

ЛЕОПОЛЬД ФОН ВИЗЕ

ПИТИРИМ А. СОРОКИН*

I

Среди современных мыслителей, неустанно проторяющих оторопевшему человечеству путь в лучшее будущее, на первом месте – Питирим Сорокин. Больше, чем кто бы то ни было, он – этик, указующий вперед. Его следует понимать именно так. Именно таким он войдет в историю науки, а не только как социолог, что вторично. Его этика представляет собой религиозную нравственность; она вся – альтруизм, преодоление эгоизма – ее великое требование. Прародина его гения – Азия. Он азиат в лучшем смысле этого слова, отчасти индийский, отчасти китайский, о чем из года в год свидетельствует множество его изданий. Необычным стечением обстоятельств является то, что его интеллектуальный потенциал смог реализоваться с такой силой и в такой мере в столь неазиатском духовном мире, как Северная Америка. В основном безответна его столь живая критика человека сегодняшних Соединенных Штатов, всемирности и посюсторонности разбогатевшей страны. Этим объясняется и то, что он, по словам издателей, самый переводимый на другие языки, хорошо финансируемый американскими меценатами, с организационным талантом наладивший работу своих сотрудников, все-таки остался одинок в Америке и наряду с уважительным и даже сдержанно восхищенным признанием встретил так много неприятия. Мирскому дитя и пророку, пророку в ветхозаветном смысле слова, не понять друг друга.

Когда в 1938 г. в Нью-Йорке вышли в свет первые три тома его большой энциклопедии «Социальная и культурная динамика», мы попытались в двух обстоятельных рецензиях, существенно дополняющих нижеизложенное, о которых здесь следует напомнить (См.: [Wiese, 1938a; Wiese 1938b])**, обрисовать его личность и необычный жизненный путь. Кое-что из рецензий здесь следует повторить, а что-то продолжить.

Питирим Александрович Сорокин родился 21 января 1889 г. в селе Турья Вологодской губернии в России. Его отец был странствующим ремесленником. Его

* Перевод текста данной статьи с немецкого на русский язык и подготовка к печати выполнены при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451 по изданию: *Wiese von L. Pitirim A. Sorokin // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1948/49. Bd 1. No 2. – Pp. 209–221.* Перевод с немецкого Н.А. Головина. Библиографические ссылки в тексте принадлежат Л. фон Визе. Подстрочные сноски, примечания и комментарии переводчика.

The translation of this article-review from German into Russian and its preparation for printing was supported by the Russian Foundation for Basic Research, as published in the edition: [*Wiese von L. Pitirim A. Sorokin // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1948/49. Bd 1. No 2. – Pp. 209–221*]. The bibliographical references in the text belong to L. von Wiese. Footnotes, notes and comments are of the translator (Golovin N.A.). The research was funded by RFBR according to the № project № 20-011-00451.

** См.: *Wiese von L. Ideenkultur und Sinnkultur. Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Dynamik des Sozialen Lebens // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1938a – Vol. 31, No 2. – Pp. 371–385.*

Wiese von L. Ideenkunst und Sinnkunst: Zu P. Sorokins Lehre von der Fluktuation der Kunstformen // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1938b. Bd 32. No 2. – Pp. 97–109.

мать происходила из семьи простых крестьян. По воле случая он выучился читать и писать. В детстве он был сезонным и сельскохозяйственным рабочим. После окончания начальной школы он поступил в учительскую школу. Уже тогда, при царском правительстве, он, как революционер, три раза побывал в тюрьме. С 1907 по 1909 г. он учился в вечерней школе в Петербурге. После этого работал в Психоневрологическом институте, а с 1910 по 1914 г. был бедным студентом Санкт-Петербургского университета. В 1915 г. он учился в магистратуре по курсу уголовного права, затем был приват-доцентом, а с 1919 по 1922 г. – профессором социологии Санкт-Петербургского университета*. Во время русской революции 1917–1918 гг. он был членом правительства Керенского. После того, как к власти пришел Ленин, он примкнул к противникам революции, боровшимся с коммунизмом. Был дважды арестован Советским правительством, приговорен к смертной казни, помилован, но в 1922 г. выслан из России. Сначала он направился в Чехословакию, а затем в Соединенные Штаты. О его судьбе в Америке мы рассказали в «Журнале по эстетике и общему искусствознанию»**: «Он приехал в Америку совсем без средств к существованию. Профессор Е.О. Росс¹* пишет в автобиографии, как он в марте 1923 г. обратился к своему в то время весьма влиятельному коллеге Смоллу²* в Чикаго, чтобы найти Сорокину работу преподавателем, но получил такой ответ: “Не могу поверить, что русский профессор социологии сможет найти здесь свое будущее, мне кажется жестоким обнадежить его мыслью, что он может быть полезен в каком-нибудь американском университете”» ([Ross, 1936, P.242])***. Однако университет Росса в Висконсине оказал беженцу поддержку, и Росс включил в автобиографию следующее: «Он (Сорокин) занимает сейчас в Гарварде самую интересную кафедру социологии, которая только есть в мире». В 1930 г. он получил гражданство США. Он внес важнейший вклад в создание департамента социологии в Гарвардском университете, которым руководил долгие годы; ныне он профессор факультета социальных отношений того же университета.

Исчерпывающий обзор всех его работ вышел бы за пределы возможного здесь места. К периоду его творчества в России относится «Система социологии» в двух томах (1920–1922). Мы уже не раз рассматривали его «Социологию революции», его труды по социальной экологии и книгу «Социальная мобильность» (1927) в «Кёльнском ежеквартальнике»³.*

После того, как мы в томе 6 «Ежеквартальника» (1926) опубликовали главу из его «Социальной мобильности» в переводе Ханны Мойтер⁴*, через год она подробно прорецензировала все сочинение. На вышедшую в 1925 г. «Социологию революции» Ханна Мойтер опубликовала рецензию в томе 5 «Ежеквартальника».

Затем мы на 14 журнальных полосах в томе 9 (1930/1931) отрецензировали немецкое издание «Современных социологических теорий» Сорокина (1928), через год после того, как мы не менее обстоятельно критически оценили оригинальное

* Следует: Петроградского университета.

** См. *Wiese von L. Ideenkultur und Sinnkultur. Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Dynamik des Sozialen Lebens* // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. – 1938a. – Vol. 31, No 2. – Pp. 371–385.; *Wiese von L. Ideenkunst und Sinnkunst: Zu P. Sorokins Lehre von der Fluktuation der Kunstformen* // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1938b. Bd 32. No 2. – Pp. 97–109.

*** *Ross E.A. Seventy Years of it. An Autobiography.* New York: Appleton-Century Company, 1936. – 370 p.

английское издание. О своей позиции в отношении истории публикаций Сорокина можно было бы еще многое рассказать. В высшей степени сомнительная немецкая обработка книги Хансом Касполем^{5*} тогда дала мне повод выступить против манеры Сорокина категорично судить почти обо всех направлениях в социологии. Сегодня, спустя двадцать лет, мы не стали бы снова возвращаться к этому; но в рассматриваемом ниже его втором недавнем сочинении «Общество, культура и личность»^{*} прорывается все та же особенность, бросающаяся в глаза еще тогда; в нем обнаруживается бьющая ключом сила жизни, о которой еще тогда было сказано, способность смотреть сквозь бесконечную даль знаний и обобщать их, не утопая в постоянной переделке и мощно обобщая огромный материал. Может быть, его происхождение и судьба, природная одаренность объясняют то, что нигде больше, по крайней мере в современных социальных науках, не воплотилась такая интеллектуальная мощь. Есть в нем что-то титаническое, если употреблять это слово без уничижительного смыслового оттенка, что-то варварское (в отличие от неврастеничных, слабых сочинений некоторых западных европейцев). Однако та же сила воли рождает в Сорокине непомерную склонность считать себя непогрешимым судьей; при этом приговоры слишком поспешны, преувеличенно негативны и не есть результат добросердечного погружения в ход мыслей других авторов. Достоин сожаления, что мыслитель, который, благодаря универсальности своего знания и той уверенности, с которой он постиг суть социального, который мог бы так много дать для прогресса нашей науки, теряет эту силу из-за нетерпимости и неприятия чужого мнения, см. [Wiese, 1938a; Wiese 1938b]. Однако подробнее об этом ниже.

О стремлении к грандиозности свидетельствуют, прежде всего, его четыре толстых тома «Социальной и культурной динамики»; здесь мы ограничимся лишь ссылкой на вышеназванные рецензии^{**}. В его последующих книгах много повторов, каждая из них написана слишком широко и обстоятельно. Все его сочинения, известные мне, за исключением «Восстановления гуманности»^{***}, можно было бы существенно сократить. Появление некоторых из них (в частности, «Динамики») объясняется также привлечением к работе большой группы сотрудников, которая помогала и все еще помогает Сорокину. Большие финансовые средства, как уже отмечено, позволили ему с размахом организовать коллективную работу. Однако это не умаляет его личного вклада. Без какой-либо связи с организационной работой следует подчеркнуть, что его богатый ум и непревзойденная духовная энергия действительно овладевают исследовательским полем, самостоятельно и оригинально возделывают его.

Его труды, начиная с 1937 г., можно разделить на две группы: сочинения по политической этике и работы по систематизации социологии. Из первой группы рассмотрим последнее сочинение «Восстановление гуманности» (вышедшая в 1941 г. книга «Кризис нашего времени» еще не дошла до меня), а из второй – «Общество, культура и личность» 1947 г.

* *Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology. N.Y.: Harper & Brothers, 1947. – 442 p.*

** См. [Wiese von L. Ideenkultur und Sinnkultur. Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Dynamik des Sozialen Lebens // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1938a. – Vol. 31, No 2. – Pp. 371–385.

Wiese von L. Ideenkunst und Sinnkunst: Zu P. Sorokins Lehre von der Fluktuation der Kunstformen // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1938b. Bd 32. No 2. – Pp. 97–109].

*** *Sorokin P. The Reconstruction of Humanity. Boston: Beacon Press, 1948. – 247 p.*

II

Было бы неверно отнести этого великого русского к этикам старого стиля, на недостатки которых мы уже указывали (См. главу 3 в кн.: [Wiese L., 1947]*). Он не только этик, но и социолог. Он не довольствуется догмами, а рассматривает саму ситуацию, техническую сторону социальной жизни, проблематику межчеловеческих отношений. Было бы неверно из-за его устремлений революционизировать мораль вычеркнуть его из ученых, стремящихся к объективности. Порой возникает ощущение, что у него в разные моменты две души в одной груди**. Он, как правило, бесстрастный исследователь, желающий лишь понять, но затем он дает волю мощной способности судить, даже проклинать, улучшать и менять мир до тех пор, пока не дойдет до точки кипения. Воля заглушает голос разума***. В такую минуту он делается несправедливым, тираничным, властным, почти маниакальным, настоящим пророком.

Принято считать, что миру, чтобы действовать и быть лучше, больше нужны духовные вожди, чем просто ученые. Однако сомнительно, что путь к аскезе, к самоотречению, к презрению всего земного, вся эта мораль йогов, как того требует Сорокин, – путь к спасению большинства в Америке и Европе. Наши представления о лучшем мире почти в противоположном направлении: не на отрицание телесного бытия, а на возможность обеспечить больше счастья в жизни, на уменьшение страданий, на естественное простое доброе отношение друг к другу, без суеты, пафоса, самоистязания, на более легкую атмосферу, в которой теплые чувства и ясный разум управляют жизнью общности без идеологических гипербола. Мир кающихся грешников кажется нам весьма безотрадной перспективой. Мы склонны видеть настоящее зло современности не в жажде наслаждений, а скорее в перенапряжении воли в результате расхождения душевных устремлений с реальностью. Нет сомнения, что такой дисгармонии можно противопоставить умерщвление страстей, но наряду с умеренностью не менее оправдано требовать иметь волю к облагораживанию земли и обеспечению свободного развития.

По-видимому, наиболее ярко эмос Сорокина запечатлен в рецензируемой ниже книге «Восстановление гуманности» (Boston: Beacon Press, 1948. P.3)****. Она должна стать «нетехническим введением» к новой серии «технических» исследований, которую автор сейчас готовит вместе с молодыми учеными. Она содержит, как утверждает Сорокин в предисловии, план личностной, культурной и социальной трансформации. Будь этот план реализован, прекратились бы международные и гражданские войны, уменьшилось бы число конфликтов между личностями и социальными группами, высвободилось бы множество творческих сил, что привело бы к недости-

* *Wiese von L. Ethik in der Schauweise der Wissenschaften vom Menschen und von der Gesellschaft. Bern: A. Franke AG., 1947. – 443 p.*

** Парафраз слов Фауста из одноименной трагедии И.В. Гёте «Но две души живут во мне, / И обе не в ладах друг с другом». Перевод с немецкого языка на русский Б. Пастернака.

*** Слова Л. фон Визе о господстве воли над разумом, дальнейшие ссылки на волю являются атавизмом нацистской идеологии. См. подробнее: *Головин Н.А. «У Питирима Сорокина можно многому учиться, но с ним нужно спорить»*: к публикации двух очерков-рецензий немецкого социолога Л. фон Визе // *Наследие. 2021, № 1 (18).* – С. 94–102.

**** *Sorokin P. The Reconstruction of Humanity. Boston: Beacon Press, 1948. – 247 p.*

жимому прежде возрождению гуманистических ценностей. В случае замены этого «плана» лоскутным одеялом из оставшихся ключевых социального устройства неизбежно последуют новые войны и другие катастрофы, и жизнь человечества завершится бесславным саморазрушением.

С присущим ему радикализмом он первым делом резко отвергает обсуждаемые ныне планы реформ «как шарлатанские средства избавления от войн и негодные средства обеспечить мир», разные политические, экономические, научные, педагогические, религиозные и прочие «снадобья».

С помощью довольно дешевой полемики одна за другой отбрасываются: идея демократии (демократические системы не более миролюбивы, чем авторитарные), Организация Объединенных Наций (ООН) (она пронизана метастазами внутренних противоречий) и план мирового правительства Ривза^{6*} (что лишь превратило бы межнациональные войны в гражданские). Достойны сожаления огромные траты времени, энергии и денег на столь «ничтожные частности». Они показывают великую путаницу общественного мнения и его лидеров.

Затем выносятся приговор экономическим системам, с одной стороны, капиталистической, с другой – коммунистической, фашистской и социалистической. Капиталистические принципы привели к возникновению монополий^{*} и, таким образом, войн. (При этом Сорокин недостаточно разводит капиталистические и либеральные системы.) Вторая группа экономических систем опирается на функцию публичной власти – п л а н и р о в а н и е – и тем самым на явно военные принципы. В этом состоит повторяющийся ход развития всех тоталитарных и авторитарных систем прошлого: фараонов, эпохи процветания китайской экономики^{**}, древней Спарты, Перу и Мексики, Римской империи после 300 г., а также Византии.

При этом доказательство не вполне последовательное. Следовало бы дать ответ на вопрос: можно ли избежать войны планированием? Показано, что планирование является р е з у л ь т а т о м военных отношений и служит ведению войны. Однако следовало бы четко объяснить в з а и м н у ю з а в и с и м о с т ь войны и планирования: война производит планирование, а то, в свою очередь, порождает войну.

В-третьих, доказывается, будто «широко распространенное воззрение, что наука, техника и воспитание имеют лишь нравственное, мирное и социально облагораживающее воздействие, является чистым мифом» (стр. 41).

В качестве критики религии показывается, что в последние столетия самой воинственной, агрессивной, алчной и упоенной властью частью человечества является именно христианский мир Запада.

Дальнейшее снижение роли правосудия, рост благосостояния и развитие искусства приводят автора к выводу, что во всех этих тенденциях проявляется пренебрежение решающим фактором – альтруизмом и любовью.

Тем самым определено ключевое слово второй части книги – альтруизм. Его сущность изучена и реализована недостаточно. Мирлюбивое и творческое общество не может быть создано настоящими эгоистами. Творческими альтруистами, нашедшими путь к единению с Абсолютом, являются индийские йоги.

* Судя по критическому замечанию Л. фон Визе, речь идет о том, что П.А. Сорокин упускает из виду антимонопольные законы, обеспечивающие конкуренцию в экономике, которые к тому времени уже действовали в США и в Германии.

** Речь идет об эпохе династии Тан в средневековом Китае.

Тем не менее такие великие альтруисты, как Франциск Ассизский^{7*}, не ушли в отшельники, а поняли, что любовь можно являть и в повседневной жизни. Сила любви должна существовать в организованных общностях с взаимной помощью и сплоченностью, соперничая в этом с внешним миром.

Телесная сущность и духовная структура человека, конечно, смотрят в разные стороны: эгоизм и альтруизм. Религиозные, нравственные и политические идеологии альтруистического толка остаются голословными и не переходят в действия. Например, было бы ошибкой рассчитывать на то, что бедные низы общества более альтруистичны, чем высшие слои.

В пятой главе второй части книги под заголовком «Сходство и несходство» (стр. 81 и след.) встречаются, наконец, первые по-настоящему социологические высказывания, которые мы приветствуем с позиции учения об отношениях^{*} как поучительные.

Поскольку невозможно вывести альтруизм из определенных соматических и духовных черт характера, некоторые мыслители пытались найти его корни в сходстве или несходстве участников социальных контактов и социальных групп. Есть три теории: а) сходство вызывает чувство солидарности; б) несходство – основа дружеских отношений; с) есть две разновидности дружбы: одна основана на сходстве, другая – на несходстве. Сорокин утверждает, что все три концепции неверны. Скорее друзья схожи в одних чертах характера и не схожи в других. Некоторые отношения способствуют дружбе, другие – препятствуют ей. Сходства и несходства людей и социальных групп зависят не столько от врожденной витальной основы человека, сколько от систем ценностей, владеющих им. Весьма верным кажется вывод Сорокина о том, что исходный пункт альтруизма и эгоизма следует искать не в одном-единственном факторе, а во всей системе ценностей, следовательно, во всем социальном и культурном окружении и во всей структуре личности в целом. Указание на разнообразии этических факторов вполне соответствует тому, что мы старались высказать в «Этике»^{**}. Культура, социум и личность являются нераздельным единством трех аспектов, причем у каждого из них есть свои характерные черты. Это совпадает с моим делением этики на личную и коллективную. Сорокин тоже подчеркивает, что в рамках эгоистичной социальной структуры нет индивидов альтруистической направленности. Если мы хотим устранить войны, установить творческий, альтруистический порядок в обществе, то должны надлежащим образом изменить нашу культуру, наши общественные институты, личность человека [стр. 95].

Остается лишь сожалеть о том, что Сорокин не вполне следует этому научному выводу. Он слишком быстро переходит к превознесению средневековой религиозной культуры, причем те столетия он весьма идеализирует согласно своему любимому шаблону^{***}. По сравнению с ними, современность чувственна (*sensory*), не имеет

* Учение об отношениях, или Социология отношений (*Beziehungslehre, Beziehungssoziologie*) – классификация социальных отношений как предмета социологии, развиваемая Л. фон Визе для теоретического описания форм «ассоциации и диссоциации» участников контактов, социальных групп, социальных агрегатов, причем названные процессы как таковые не являются целью их участников.

** *Wiese von L. Ethik in der Schauweise der Wissenschaften vom Menschen und von der Gesellschaft*. Bern: A. Franke AG., 1947. – 443 p.

*** Критику Л. фон Визе культурной динамики П.А. Сорокина см. подробнее: *Wiese von L. Ideenkultur und Sinnkultur. Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Dynamik des Sozialen Lebens // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1938a. Vol. 31, No 2. – p. 374.

реальной сверхчувственной ценности, ее ценности материалистические, гедонистические, утилитарные. Этические и правовые нормы средневекового христианства, в противоположность ей, были универсальными, вечными, абсолютными и обязательными для всех. Весьма категорично отклонен фрейдизм, экзистенциализм и даже экспрессионистское искусство, которое как раз стремится к освобождению от чувственного. (При этом исторические параллели заимствованы из обстоятельных первых трех томов его «Динамики», на очевидные ошибки в которых уже указывалось в свое время.)*

С социологической точки зрения гораздо важнее спорных философских размышлений об обществе определение трех типичных черт современной общественной жизни, ведущих к конфликтам: а) избыточная социальная дифференциация, из-за которой человек с рождения находится под влиянием противоречивых норм поведения; б) конкуренция между индивидами и социальными группами; в) с одной стороны, господство чисто договорных отношений, а с другой – принудительных, в то время как третья возможная форма отношений – семейные – идет на убыль. Из такой критики трех главных ошибок нашего общественного устройства вытекают предлагаемые Сорокиным реформы.

Также следует признать, что Сорокин никогда не останавливается только на голой критике, а предлагает улучшения, в частности, политических институтов. Мы полностью согласны с выдвинутой нами обоими точкой зрения, что от формы государственного правления и конституции страны зависит мало что, важнее их этическое содержание, что в каждом государстве есть опасность злоупотребления властью и что решающую роль играют моральные убеждения его функционеров. Правительства должны брать на себя исполнение лишь задач, которые не могут решить государственные органы. В области экономики Сорокин также избегает радикальных предложений, но склоняется к кооперативным формам организации. Однако и здесь он (впрочем, как и мы) также видит в экономике скорее техническое, а не социальное устройство в принципе.

Не говоря уже о том, что мы вполне согласны с его делением Его на личное и социальное. Абсолютно верно его высказывание: «Личность обладает таким количеством социально-культурных Его и возможностей их использования, к каким социально-культурным группам она принадлежит» (стр. 199). Подобно Ральфу Линтону^{8*} Сорокин утверждает: «Совокупность Его в человеке – микрокосм, отражающий социально-культурный макрокосмос» (стр. 201).

Однако возникают возражения по поводу его рекомендации подражать «методам и техникам великих мастеров творческого альтруизма». Воспитание человеколюбия становится у него воспитанием фанатизма. Он слишком превозносит пример йогов, святой Терезы^{9*} и пример фанатичных Игнатия Лойолы^{10*} и Свами Вивекананды^{11*}.

* Л. фон Визе отмечает в одной из рецензий такое противоречие «Динамики»: «Критика американского общества ведется на материалах европейской истории» [*Wiese von L. Ideenkultur und Sinnkultur. Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Dynamik des Sozialen Lebens // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 1938a Vol. 31, No 2. – pp. 381*]. В другой рецензии, где он заявляет, что не желает «мелочно разрушить в целом великолепное произведение», он критически отмечает: «Идеациональное “искусство” Сорокина является отправлением религиозных обрядов и культа, а не настоящим искусством» [*Wiese von L. Ideenkunst und Sinnkultur: Zu P. Sorokins Lehre von der Fluktuation der Kunstformen // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. 1938b. Bd 32. No 2., p. 106*].

Нам кажется, что подражание таким этическим техникам приведет скорее к возникновению чисто пассивных добродетелей, нежели активных умений. Сорокин не желает признавать, что аскеза и отшельничество (к примеру, Святого Антония^{12*} или Пахомия^{13*}) уводили от жизни общества, и хотелось бы подчеркнуть уверенность в том, что возделенное Сорокиным воспитание солидарных отношений таким путем нереально в густонаселенных странах.

III

Обратимся к его теоретическому сочинению «Общество. Культура. Личность: их структура и динамика», по праву названному в подзаголовке общей социологией (New York: Harper & Brothers, 1947. Harper's Social Science Series; Editor F. Stuart Chapin. 742 стр. большого формата. P. 5.)*. Следует полностью согласиться с тем, что он считает систематизацию, выходящую за пределы простого установления фактов (причинно-следственных связей), неотложной задачей социологии, и с тем, что он далее рассматривает в качестве основного метода типологию эмпирически установленных явлений. Не меньшей поддержки заслуживает то, что для него (и для нас) предметом нашей науки являются взаимодействия людей (human Interactions). В этом отношении, как и в некоторых других пунктах, Сорокин значительно приблизился к учению об отношениях. Теперь следует отметить, что именно он не принимает в наших исследованиях, хотя все это относится лишь к второстепенным вопросам на фоне фундаментальной постановки проблемы. Ранее он формулировал задачу социологии гораздо шире и остро полемизировал с нашими псевдосоциологами. Он безмолвно присоединился к нам, и нетрудно показать, как он имплицитно, и, к сожалению, неявно отказался от существенных моментов своих прежних выступлений**. Теперь он формулирует задачу социологии гораздо точнее и выразительнее. Конечно, следует сразу же заметить, что все еще недостаточно четко и отграниченно. Дело в том, что большие последствия повлекли за собой его добавление к термину «взаимодействие» (Interaktion), описываемому объект изучения обществознания, существенного определения: з н а ч и м ы й (m a n i n g f u l), осмысленный. К трем различным компонентам тех явлений, которыми должна заниматься социология, он относит смыслополагание, ценности и нормы (meanings, values and norms). Исходя

* Более полное библиографическое описание см.: *Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology.* N.Y.: Harper & Brothers, 1947. – 442 p.

** К прежним выступлениям П.А. Сорокина относится его сводная рецензия на книги немецких и американских социологов 1929 г., где рассмотрена «Система общей социологии» Л. фон Визе (1924, 1928) и поддержан план разработки научной дисциплины *Sorokin P.A. Theory of Social Life. Some New Works in the Field of "Philosophical" and "Empirical-inductive" Sociology: (Collected Review). Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie [Journal of Ethnopsychology and Sociology]. 1929. Vol. 5. No. 1. P. 365.* В данной рецензии, как и в двух томах его «Системы социологии» (Петроград, 1920), П.А. Сорокин придерживается расширительного понимания предмета социологии. На фоне обоюдных заявлений полемистов о сходстве их понимания предмета социологии, что со стороны Л. фон Визе сделано, по его личному признанию, ради скорейшей институционализации социологии, в научных позициях обоих были существенные различия. Так, в заключительной части «Теорий» П.А. Сорокиным к ведению социологии отнесены связи «между социальными и несоциальными (географическими, биологическими и прочее) явлениями», «изучения общих характеристик всех классов социальных явлений» [*Sorokin P. Contemporary sociological theories.* New York at all: Harper, 1928 XXIII, Pp.760–761], а более узкое понимание этого предмета Л. фон Визе П.А. Сорокин называет лишь «введением» в дисциплину.

из них, люди взаимодействуют друг с другом (категория I). Два других компонента – мыслящие, действующие и реагирующие человеческие существа (категория II) и, в-третьих, силы, опосредующие взаимодействия (категория III); они в основном материальной природы в противоположность нематериальным силам категории I. Личность, Общество и Культура рассматриваются как нераздельное триединство. При этом Культура рассматривается как совокупность смыслоположений, ценностей и норм, которые присущи общающимся (взаимодействующим) друг с другом личностям, в сочетании с совокупностью инструментов (vehicles, проводников) (категория III), которые объективируют, социализируют и распространяют данные смыслоположения. (В понятие Культуры он включает также и ценности, и материальные блага.) В данном процессе выделения meanings (значений) ему важно четко отграничить социологию от естественнонаучного понимания мира человека. Взаимодействия – не явления природы, нас интересуют не физические или биологические свойства объекта, а именно его сверхорганический, смысловой способ бытия. Например, когда одна личность расстреливает другую, нас интересуют не физико-химические характеристики ее стрелкового оружия или пули, не причиненное ранение, а значение действия как убийства, либо самообороны, либо героического поступка и тому подобное. Определенный кусок дерева получает свое истинное значение в результате предположения, что он взят с креста Иисуса Христа, кусок дешевой материи на древке – в результате того, что он является государственным флагом.

Данное крайне необходимое различие между физико-биологическим и антропологическо-социологическим способом рассмотрения в дальнейшем приводит Сорокина к отрицанию выдвигаемого на первый план учением об отношениях деления взаимодействий на два вида: направленные друг на друга и направленные друг от друга. Однако нетрудно показать, что здесь кроется крупное недоразумение. С другой стороны, нам кажется, что в понятии «Культуры» Сорокина и в его обращении с ценностями и нормами скрыта опасность, не позволяющая следовать за ним.

Пункт первый: Сорокин заявляет: характеристика ассоциативных процессов как таковых, посредством которых стороны сближаются друг с другом, а также диссоциативных, посредством которых они отдаляются друг от друга, оказалась весьма неудовлетворительной (С.48). Например, когда вражеские армии сближаются для сражения – это процесс диссоциации, и наоборот: когда они расходятся – это процесс ассоциации.

Однако мы же все время твердили, показывали на примерах и на опыте, всегда делали так, что должно было быть совершенно ясно: сближение и удаление не следует понимать в пространственном (физическом) смысле, а в том смысле, что сближение означает усиление влияния, а удаление, наоборот, уменьшение воздействия. Тем самым внимание привлечено к реальности удаленных контактов. Однако сегодня, как всегда, мы полагаем, что «друг к другу» и «друг от друга» (в смысле социального пространства по аналогии с физическим) являются единственными последними, базовыми процессами всех взаимодействий. Без этого противопоставления (дополненного смешанными процессами) невозможна какая-либо настоящая систематизация социальных процессов. У того, кто этого не признает, остается две возможности: либо он использует вместо объединения и разъединения другой кри-

терий, например, высший и низший порядок. Однако быстро обнаруживается, что эти и все иные признаки недостаточны, не вполне универсальны. Есть много социальных процессов, которые при этом остаются без внимания. Либо замена нашей тройки основополагающих процессов множеством недостаточно взаимосвязанных, которые затем, как у Сорокина, произвольно объединены в такую растяжимую категорию, как «социокультурные» процессы. При этом отказываются от единой точки зрения, которую дает понятие дистанции. Здесь специфически социологический подход смешивается с оптикой других наук и (или) с произвольными субъективными суждениями*.

Лишь после постоянной перепроверки можно высказать мнение, что те, кто (как Сорокин и мы) рассматривает взаимодействие как предмет социологии, должны сделать и шаг к его разделению на процессы ассоциации и диссоциации.

Понятно, что Сорокин боится сделать этот полагаемый шаг к отчуждению смысла от всего физически-пространственного. Социальные процессы обретают свою научную ценность не как события физического мира, а в результате их значения для общежития людей, следовательно, благодаря смыслу, скрытому в процессах. Смысл и есть та функция единичного процесса в целостности социальной жизни.

Мы далеки от недооценки данной задачи. Однако именно необходимость понимания процессов как социальных, а не природных явлений, т.е. межличностных, требует в качестве базовой категории понятия дистанции. Она должна привести и к тому, чтобы автор и читатель оставили бы в стороне эмоциональное отношение «за» или «против» социальных событий, поскольку здесь обнаруживается слабость категории «смыслов» (meanings). Социологу следует оставить философам многозначный термин *ценность* (value). Как уже было сказано выше, совершенно верно, что нам следует рассматривать в качестве решающего параметра тот «смысл», который человек связывает со своими действиями и обращением с объектами. (Правда, мы не пошли бы так далеко, считая социологически неважными, например, произвольные травмы – ведь по своим последствиям они могут иметь большое значение.) Однако практика показывает, как легко большинство авторов сползают от описания смысла, связанного с описываемым ими поведением человека или соответствующего общественным обстоятельствам, к ценностям, которые они же и защищают в силу своей предвзятости. Они смешивают свои желания, опасения и интересы с теми смыслами (meanings), о которых пишут. Задача социологии – фиксировать явления социальной жизни так, каковы они есть, избегая догматических предубеждений, зависимости от собственных интересов и волевых импульсов. Если включить в ее базовые категории смыслополагание, ценности и нормы, то задача социологии будет искажена изначально. Оценки относятся к наукам о должном, т.е., прежде всего, к этике. Повторимся, что тем самым не утверждается, будто социолог не должен обращать внимания на мнение человека о важных, неважных или враждебных культуре интерпретациях смысла. Однако он должен избегать смешения с ними его собственных оценок.

* Комментируя именно этот фрагмент своего учения об отношениях в письме от 04.04.1932 Х. Беккеру (Висконсинский университет, США) Л. фон Визе уточняет: «Он (Сорокин) не видит фундаментального различия между юридическим и современным = социологическим подходом» (Historisches Archiv der Stadt Köln, A 145, Bd. B, L).

Боюсь, что нам с Сорокиным будет трудно достичь согласия по поводу «Таблицы социальных процессов»*. Чтобы прояснить данное противоречие, процитируем одно из мест, в которых он высказывает свою уничижительную критику в наш адрес. Например, он говорит (на стр. 64): «Последствия ошибочного утверждения подобных теоретиков настолько катастрофичны, что, к счастью, ни один из них (в этом месте он называет наряду с нами Томаса^{14*} и Знанецкого^{15*}, а в другом – Парка^{16*} и Бёрджесса^{17*}) даже не попытался довести их до логического конца. После того, как они установили правило, они сами же нарушают его и вновь протаскивают с черного хода систему культуры, – то, что они отвергали с самого начала». Это якобы происходит у нас в классификации первичных процессов (таких, как отчуждение, конкуренция, адаптация и так далее). В дальнейшем при более подробном рассмотрении религии, науки, этики, права, экономики и политики все они оказываются ценностями или нормами культуры.

На стр. 110 указывается, будто бы я практически не анализирую конкретные признаки социальных, психологических или культурных процессов. Варианты антагонистических и солидарных интеракций (я намеренно сохраняю иностранные термины) остаются сухими, формальными и абстрактными. В их число не включены даже самые сильные формы солидарности, такие как всеодаривающая и всепрощающая любовь. (Следует его классификация социальных процессов (стр. 368) и еще раз в сноске он одобряет нашу систематизацию. Мы еще вернемся к этому во второй рецензии.)**

Очевидно, Сорокин ждет от систематизации социальных процессов прямого выхода на его требование альтруизма. Ему, как этику, наши четыре стадии направленности социальных отношений друг на друга (сближение, приспособление, ассимиляция и объединение) кажутся формальными и бедными на чувства. Может быть, за это время он прочел нашу «Этику» и заметил, как в ней, в соответствии с иначе поставленной задачей, сделана попытка эмоционально оживить эти стадии. Как этик, мы не исключаем плодотворности его деления форм организации на три типа: семейные, договорные и принудительные отношения. Однако сомнительна надобность включения его категории «семейные отношения» в учение об отношениях как базового процесса. Также противоположность договора и принуждения невозможно использовать в общей классификации, пусть она и полезна в других случаях анализа, заслуживает внимания в специализированных исследованиях политики, права, этики.

Утверждение, что мы не проанализировали конкретные признаки социальных процессов, не поддается пониманию, т.к. анализ изложен на 136 страницах насколько возможно конкретно и близко к жизни. То, что, как считает Сорокин, названный нами шагом к сближению «друг с другом» процесс «приспособления» (adjustment)

* Л. фон Визе определяет отношения как «нестабильные состояния» контактов, к которым ведут социальные процессы. Его обширная «Таблица человеческих отношений» связана с систематизацией социальных процессов. Об их сложной классификации дает представление его базовая формула анализа: $P = H \times S$, означающая, что «любой социальный процесс является “продуктом” личного отношения (H) и ситуации (S). В этой формуле $H = I \times E$, где I – более или менее соответствует врожденной индивидуальности «Я», а E – опыт, накопленный человеком. $S = U \times H1$ и включает два фактора: U – фактические обстоятельства (окружающий мир человека), а H1 – отношение со стороны другого. Отсюда получается развернутая формула анализа социальных процессов (P): $P = I \times E \times U \times (I \times E)$ I. См. подробнее: Papcke S., Oesterdiekhoff G.W. (Hrsg.) Schlüsselwerke der Soziologie. Wiesbaden, Westdt.-Verl., 2001. – XI, P. 524.

** См.: Визе фон Л. «Система социологии Питирича Сорокина» в след. выпуске журнала «Наследие».

может также выражаться и в отдалении друг от друга, можно объяснить неверным переводом немецкого слова «приспособление» (Anpassung). Приспособление не может быть диссоциативным.

То, что можно перепрыгнуть стадии сближения друг с другом, что конкуренция является смешанным процессом, мы уже сами выразительно и давно исправили. Все это приводится не из стремления отстоять свое мнение, а из живого желания, чтобы в столь близких системах, как Сорокина и наших исследований, в результате искажений предмета не возникало бы лишних противоречий, ведущих к путанице.

IV

Важнее этих неизбежных дискуссий было бы дать читателю обзор всей системы. Сделать это исчерпывающим образом пока невозможно, прежде всего, потому, что ощущается потребность после проделанной работы еще раз глубже изучить все сочинение. Планируем сделать это основой занятий социологического семинара в предстоящем зимнем семестре и по окончании вернуться к прерванной сейчас дискуссии. Сообщаем читателю лишь оглавление книги*: Введение, озаглавленное «Объект, метод и развитие социологии». За ним следуют 6 основных глав: 1. Структурная социология; 2. В частности: Структура социального универсума; 3. Социальная дифференциация и образование социальных слоев; 4. Структуры культурных и личностных форм свержорганического мира; 5. Динамика повторяющихся социальных процессов; 6. Динамика культурных процессов. Недостаток данной логики, думается, состоит в смешении процессов и структур. Преимущество системы Сорокина лежит в полноте охвата явлений. Бескрайние морские просторы, у штурмана твердая рука, а у нас опять возникнет возможность испытать наше правило, давать к л а с с и ф и к а ц и и четко, в небольшом количестве и понятно, по возможности удовлетворяя требованиям полноты и конкретики жизни, но при этом отдавая должное о п и с а н и ю ее индивидуальности, элементов и типов. Изучая сочинения Сорокина, можно многому учиться, но с ним нужно спорить, не упуская из виду цель вместе с достойным дружбы и уважения противником содействовать решению общей задачи.

Очерк-рецензия Л. фон Визе «Система социологии Питирима Сорокина» следует.

Комментарии

^{1*} Росс, Эдвард (Ross, Edward, 1866–1951) – американский социолог и психолог, один из основателей социологии в США, президент Американской социологической ассоциации (1914–1915).

^{2*} Смолл, Альбион (Small, Albion, 1854–1926) – американский социолог, социальный дарвинист.

^{3*} Журнал «Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften» (Кёльнский ежеквартальник социальных наук) основан Л. фон Визе в 1921 г.; в 1923–1934 гг., когда в нем печатался П.А. Сорокин, журнал назывался «Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie» (Кёльнский социологический ежеквартальник); последний довоенный том 12 (1933/34). Издание возобновлено в 1948/49 гг., с 1954 г. при расширении тематики переименовано в «Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie» (Кёльнский журнал социологии и социальной психологии).

* См.: *Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology.* N.Y.: Harper & Brothers, 1947. – 442 p.

- ^{4*} Мойгер, Ханна (Meuter, Hanna, 1889–1964) – немецкий социолог, сотрудница редакции вышеуказанного журнала.
- ^{5*} Касполь, Ханс (Kasspohl, Hans) – издатель и редактор сочинений П.А. Сорокина на немецком языке: «Социология революции» (1928) и «Социологические теории в XIX и XX вв.» (1931) – вдвое сокращенное издание американского оригинала «Современных социологических теорий» (1928).
- ^{6*} Ривз, Эмери (Reves, Emery, 1904–1981) – американский журналист, автор книги «Анатомия мира» (1945).
- ^{7*} Франциск Асизский (Franciscus Assisiensis – лат., 1182–1226) – основатель монашеского ордена францисканцев.
- ^{8*} Линтон, Ральф (Linton, Ralph, 1893–1953) – американский социолог, раскрыл связь между социальным статусом и социальной ролью.
- ^{9*} Тереза Авильская (Teresa de Ávila, 1515–1582) – основательница монашеской орденской ветви босоногих кармелиток, Учитель Церкви.
- ^{10*} Лойола, Игнатий (Íñigo López de Loyola, исп.; 1491–1556) – основатель монашеского ордена иезуитов.
- ^{11*} Свами Вивекананда (Swami Vivekananda, 1863–1902) – индийский философ йоги, общественный деятель.
- ^{12*} Антоний Великий (Antonius лат. около 251–356) – основатель православного монашества.
- ^{13*} Пахомий Великий (ок. 292–ок. 348) – основатель киновитного (общежитского) монашества.
- ^{14*} Томас, Уильям (Thomas, William, 1863–1947) – американский социолог, исследовал процессы социальной дезорганизации.
- ^{15*} Знанецкий, Флориан (Znaniecki, Florian, 1882–1958) – польский социолог, представитель гуманистического направления в социологии.
- ^{16*} Парк, Роберт (Park, Robert, 1864–1944) – американский социолог, один из основателей Чикагской социологической школы.
- ^{17*} Бёрджесс, Эрнст (Burgess, Ernst, 1886–1966) – американский социолог, один из основателей Чикагской социологической школы.
-